

Не прошло и десяти дней с момента побега из Пекина, а Хэ Ян уже вернулся. Вернулся не по своей воле, а словно под конвоем.

Самолёт приземлился глубокой ночью, когда город спал, укутанный туманом, и лишь редкие цепочки жёлтых фонарей прошивали темноту, словно пунктирные линии на карте чужого, забытого маршрута. Хэ Ян, измождённый дорогой, едва держался на ногах. Всю дорогу от аэропорта до военного госпиталя он молчал, прижавшись лбом к холодному стеклу автомобиля, и наблюдал, как за окном проплывают огни ночного Пекина, города, который он так отчаянно пытался забыть, но который насильно вернул его обратно.

Лу Тинфэн тоже хранил молчание, и в салоне, пахнущем дорогой кожей и едва уловимым, знакомым до боли одеколоном, повисла тяжёлая, вязкая тишина, пропитанная его злостью на бегство мужа, бессилием перед приказом дяди и чем-то ещё, странным, тягучим напряжением, от которого у Хэ Яна болезненно сжималось сердце. «А вдруг... вдруг он не хочет меня отпустить? Вдруг это не просто долг перед семьёй?»

«Глупости, — одёрнул он себя, чувствуя горький привкус во рту. — Ему всегда было всё равно».

Едва колёса коснулись асфальта, он, не теряя времени, направил машину к военному госпиталю, и путь лежал через подземный паркинг, затем лифт, длинные, гулкие коридоры, пропитанные резким запахом дезинфекции и горьких лекарств; под потолком мерно гудели лампы дневного света, и их шаги, быстрые, чеканные, эхом отдавались от кафельных стен, пока они не остановились у дверей нужной палаты.

«Вот я и вернулся. Туда, откуда бежал. К тому, от кого бежал. Всё по кругу. Как будто и не было этих десяти дней свободы». Хэ Ян стиснул зубы и перешагнул порог.

Дядя Лу Юйвэнь потерял сознание прямо на рабочем месте, переутомившись до предела, и перепуганные подчинённые немедленно вызвали скорую, а вся семья замерла в тревожном ожидании результатов анализов. Врачи намекали на возможные хронические заболевания, вызванные годами непосильных нагрузок, и этот неопределённый диагноз пугал родных больше, чем любая конкретная болезнь.

Для клана Лу дядя был несокрушимой скалой, фундаментом, на котором держалось благополучие всей семьи. Твёрдый в решениях, хитрый в переговорах, он был их щитом и опорой. Но сейчас, лежа в больничной койке в простой пижаме, с капельницей в вене, он выглядел обычным уставшим человеком. Эта внезапная уязвимость делала его ещё ближе и роднее.

Очнувшись, Лу Юйвэнь обнаружил вокруг себя почти весь клан, и их молчаливое присутствие говорило о серьёзности ситуации красноречивее любых слов. Заметив отсутствие Хэ Яна, он спросил племянника, и ответ Лу Тинфэна «уехал к родителям» лишь подтвердил худшие опасения дяди.

Будучи человеком проницательным, Лу Юйвэнь сразу понял: в браке трещина. Слухи о

романах племянника с актрисами кишели в жёлтой прессе, и он представлял, как тяжело приходится тихому, безотказному Хэ Яну. Сердце старого военного сжалось от жалости к этому мальчику, которого покойный отец когда-то выбрал для своего внука.

Он приказал немедленно вернуть Хэ Яна не для допроса, а чтобы просто увидеть его, убедиться, что с ним всё в порядке.

Хэ Ян, узнав о болезни дяди, не стал сопротивляться и сам, без принуждения, собрал вещи и последовал за Лу Тинфэном. Для него Лу Юйвэнь, как и покойный дед, был символом защиты и справедливости, а ради такого человека можно было стерпеть даже возвращение в ненавистный Пекин.

Тем временем госпиталь наполнился шумом дальней родни: какие-то троюродные тётки и внучатые племянники, которых дядя едва помнил в лицо, устраивали спектакли с рыданиями и заламыванием рук.

— Ой, дядя, как же вы так! Мы так волновались! — причитала какая-то троюродная тётка.

Это лицемерие быстро надоело Лу Юйвэню. Он строго приказал медперсоналу: «Никого, кроме самых близких. Остальным скажите, что я сплю». В военном госпитале дисциплина была железной: приказ командира выполнялся беспрекословно, и поток непрошенных гостей мгновенно иссяк.

Когда Лу Тинфэн ввёл Хэ Яна в палату, в глазах дяди вспыхнул тёплый огонёк, словно зажглась свеча в тёмной комнате, и он жестом пригласил Хэ Яна сесть поближе и начал расспрашивать о дороге, о здоровье, о жизни в родном посёлке, проявляя искреннюю, почти отеческую заботу.

Лу Тинфэн остался стоять у двери, чувствуя себя лишним, невидимкой, неловко переминаясь с ноги на ногу и наблюдая, как человек, бывший для него непререкаемым авторитетом, тепло общается с тем, кого он сам же отверг и выгнал из дома.

— Лу Тинфэн, — резко окликнул его дядя, и в его голосе зазвучал ледяной укор. — Твоя жена весь день ничего не ела. Ты даже не подумал её накормить?

От этого тона Лу Тинфэн вздрогнул. Не смея возразить, он молча развернулся и вышел в коридор, чувствуя себя провинившимся школьником, отправленным за наказанием.

В палате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим, ритмичным писком кардиомонитора да мягким шипением кислородной маски, лежащей на тумбочке. Пахло здесь совсем не так, как в коридоре: меньше дезинфекции, больше — нагретого постельного белья, старого дерева и едва уловимого, почти домашнего аромата хвои. Бледный свет ночника выхватывал из полумрака осунувшееся лицо дяди, оставляя углы комнаты в густой, тревожной тени.

Хэ Ян сидел на краю стула, нервно сцепив пальцы. Дядя выглядел осунувшимся, с тёмными кругами под глазами, но его взгляд оставался пронзительным и ясным.

— Дядя, как вы себя чувствуете? — тихо спросил Хэ Ян, и в его голосе звучала искренняя тревога.

Лу Юйвэнь посмотрел на него, и напряжение на его лице немного спало. Рядом с этим тихим, тёплым юношей ему становилось легче дышать. «Таким и должен быть член семьи, — мелькнуло в голове у старого военного, и где-то глубоко внутри шевельнулась горечь. — Не тем, кто приходит с рыданиями и заламыванием рук, а вот таким — тихим, надёжным, настоящим. Как отец когда-то... Как этот мальчик. А я... я опоздал».

— Пустяки, переутомление, — отмахнулся он, но Хэ Ян заметил, как дрогнули пальцы дяди, сжимающие край одеяла.

Ранее Лу Тинфэн упомянул возможные проблемы с сердцем — ишемию, атеросклероз. Хэ Ян с трудом мог в это поверить. Дядя всегда казался ему несокрушимой скалой: подтянутый, с прямой спиной, с железной выдержкой кадрового офицера. Но сейчас, видя его бледность и слабость, Хэ Ян осознал хрупкость даже самых сильных людей.

Лу Юйвэнь заговорил медленно, с тяжёлой задумчивостью, глядя куда-то мимо, на белую стену.

— Тинфэн сказал, ты ездил к родителям?

Хэ Ян кивнул.

— Два года вы женаты, — вздохнул дядя, выпуская воздух вместе с накопившейся усталостью. — Я редко бывал дома, но вижу: ты всё ещё любишь моего племянника. А он... он так и не смог принять тебя всерьёз. — Он сделал паузу, внимательно изучая лицо Хэ Яна. — Ты думаешь о разводе?

Хэ Ян понял: все считали его отъезд временной размолвкой. Никто не знал, что он уехал, чтобы разорвать связи навсегда.

Он набрал в грудь воздуха, готовясь сказать правду.

— Дядя, — голос его дрогнул, но он заставил себя говорить твёрдо. — Я думаю об этом постоянно. Даже во сне. Я понял, что у меня нет сил жить с человеком, который меня не любит, и просто существовать рядом с ним. Это не жизнь, дядя. Это выживание.

Лу Юйвэнь слушал молча, и только пальцы, сжимающие край одеяла, побелели от напряжения — так белеют костяшки рук, вцепившихся в поручень перед падением. В его жёстких глазах

появилась боль — не за племянника, а за этого мальчика, который отдал семье Лу всё своё тепло, но так и не получил взамен любви.

— Ты уверен в своём решении?

— Абсолютно. — Хэ Ян поднял взгляд, полный грусти и усталости. — Если он меня не любит, зачем мучить друг друга? Лучше разойтись. Ему — свобода, мне — покой. Я заслуживаю... — он запнулся, подбирая слова, и произнёс тихо, но чётко: — Я заслуживаю хотя бы попытки быть счастливым. Даже если буду один.

Повисла тяжёлая пауза. Взгляд дяди казался рентгеном, просвечивающим душу насквозь.

— Хэ Ян, — наконец произнёс Лу Юйвэнь, и его властный голос дрогнул. — Для моего отца ты был своим. — Он на мгновение прикрыл глаза, словно вглядываясь в прошлое. — Помню, как он сидел вот здесь, — дядя слабо похлопал по краю койки и, держа меня за руку, говорил: «Пригляди за мальчиком. Он один на всём белом свете. А Тинфэн — дурак, хоть и внук мне». Поэтому отец и благословил этот брак. Перед смертью он наказывал мне присматривать за тобой и за этим упрямым Тинфэном. Но служба... я редко бывал дома. Выходит, я не смог защитить тебя. Мне стыдно и больно осознавать это.

Он прикрыл глаза, сжав переносицу, и Хэ Ян с удивлением увидел влажный блеск в уголках глаз старого военного.

— Дядя, не надо... — начал было Хэ Ян, но тот жестом остановил его.

— Я редко ошибаюсь в людях, — твёрдо сказал Лу Юйвэнь, глядя ему прямо в глаза. — Ты хороший человек. Настоящий. Это Тинфэну не повезло потерять тебя. Не тебе.

Собравшись с мыслями, дядя вернулся к своему обычному, деловому тону, словно снова надевая броню командира:

— Если решение окончательное, я помогу. Ты получишь всё, что положено по закону, до последней копейки. Я лично прослежу, чтобы никто не посмел сказать, что семья Лу обошлась с тобой несправедливо. Мы не нищие и не подлецы.

Хэ Ян покачал головой. Внутри разливалось тепло — редкое чувство защищённости, которого ему так не хватало. Человек, почти чужой по крови, готов был вступить за него, в то время как муж, самый близкий человек, относился к нему как к ненужной вещи.

— Нет, дядя, не надо, — тихо, но твёрдо произнёс Хэ Ян. — Спасибо вам. За то, что приняли меня тогда, за то, что выслушали сейчас. Этого достаточно. А от него... мне ничего не нужно. Я уже говорил ему: при разводе я уйду с пустыми руками. Я женился не ради денег.

Он поднялся на ноги, чувствуя предательскую дрожь в коленях, выпрямился через силу и низко поклонился дяде, и этот жест уважения и благодарности, идущий от самого сердца, стал его прощанием, после чего он вышел из палаты. Дверь закрылась с мягким, почти неслышным щелчком, оставив Лу Юйвэня наедине с тишиной и мерным писком приборов.

Старый военный долго смотрел на закрытую дверь, прежде чем откинуться на подушку и закрыть глаза.

В коридоре Хэ Ян прислонился спиной к холодной стене и глубоко выдохнул. Где-то вдалеке, за поворотом, слышались приглушённые голоса медсестёр и стук каблучков по кафелю, но здесь, в этом отрезке пустого пространства, была только тишина и его собственное сердце, колотящееся где-то в горле.

«Я заслуживаю хотя бы попытки быть счастливым».

Впервые за долгое время он поверил в эти слова.

<http://bllate.org/book/16098/1569464>